

Анатолий Крюков

Непризнанный поэт

Сборник первый

Анатолий Крюков

**Непризнанный поэт.
Сборник первый**

«Издательские решения»

Крюков А. П.

Непризнанный поэт. Сборник первый / А. П. Крюков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678119-1

Непризнанный поэт — это зеркало души пережитого опыта человека,
который всю жизнь писал стихи, но в реальной жизни руководил техническим
персоналом на предприятиях.

ISBN 978-5-00-678119-1

© Крюков А. П.
© Издательские решения

Содержание

«Не лукавит этот вечер звонкий...»	6
«Красиво снег кружится с неба...»	7
«Растрезвонил утром мой будильник ...»	8
«Отшумел вечерний шорох...»	9
«Одиноко в кудрявом наряде...»	10
«Зима волшебной красотой очаровала...»	11
«Распускает губы свет в тиши брезгливо...»	12
«Не могу я в пути простить...»	13
«Я не пушу из выюги стоны...»	14
«Люблю берёзовые дали...»	15
«Светит очень жарко солнце...»	16
«В почтенных днях и часто сонный...»	17
«Я, видно, путник запоздалый...»	18
«В застенках света и тепла...»	19
«Судьба играла клавишами льстиво...»	20
«В куполах, продырявивших небо...»	22
«Январский след уже пропал...»	23
«На свете нет милее доченьки...»	24
«Сметают зрело чувства на пороге...»	25
«Я хожу по вечернему краю...»	26
«Раскроил я для жизни лапоть...»	27
«Подустали метели в потёмках...»	28
«Перестали почавкивать лужи...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Непризнанный поэт Сборник первый

Анатолий Павлович Крюков

© Анатолий Павлович Крюков, 2025

ISBN 978-5-0067-8119-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Не лукавит этот вечер звонкий...»

Не лукавит этот вечер звонкий:
Тянет взор в пленительный полёт.
Я брожу по очень нити тонкой,
И душа внутри меня поёт.

Пробудились чувства, видимо, в награду.
С жаждой это весело принять.
Из далёкой жизни памятью мне градом
Осыпает радостную статью.

Там издавека остатком рвётся
Что мечталось и плелось в пути.
Мне сегодня с птицами поётся,
Моё сердце греется внутри.

Обжигает даль закат лучами,
Огневище пряча под подол.
Я давно не обнимал ночами
У берёзки стройной её белый ствол.

Приласкала нежным ароматом
Глубина сиреневых кустов.
Во мне счастья – целая палата,
У зари вечерний блеск костров.

Ах, какие в облаках сюжеты!
Ах, какие с солнцем виражи!
Пока дремлют разные поэты,
Я спою про эти миражи.

А когда закат полоской тонкой
Разожжёт последнюю свечу,
Я остатком после песни звонкой
Постою в тиши и помолчу.

И потом к душе моей прозрачной
Прикоснётся праздник чистоты,
А в саду, где наш участок дачный,
Мне посветит месяц с высоты.

«Красиво снег кружится с неба...»

Красиво снег кружится с неба
При фонарях, зажжённых в ночь,
И говорят, что это к хлебу —
Господь решился нам помочь.

И душу греет благодать,
И хочется блеснуть поэтом,
И не желают чувства спать,
И тянет долго видеть это.

Брожу, вдыхая свежесть бодро.
Ласкает мысли тишина,
И тычет в снег собачья морда,
И прячется в пути луна.

Стоят деревья в белых шубах,
Сосёнки приодели шаль,
Дымок топорщится на трубах,
И впору белая вуаль.

И так легко в уставшем теле,
И что-то хочется ещё,
И синева играет в ели,
И хорошо, что я крещён.

И след рябиновой одежды
Сверкает пламенем огня,
И свет, манящий за окошком,
Волнует трепетно меня!

«Растрезвонил утром мой будильник ...»

Растрезвонил утром мой будильник —
На востоке вспыхнула заря.
Встрепенулся памяти могильник.
Расползлись тени упыря.

Вроде бы вставать уже мне впору
И лечить желудка пустоту,
Разбросать в края ночные шторы
И вернуть мне тело в чистоту.

А я греюсь в зареве простора,
Даже слышно сердце как стучит.
Шевельнуть боюсь ночного вора,
Что дразнился рифмами в ночи.

Не спалось, не снились сновиденья.
Прозябала в таинствах душа.
Разжигало сладостно поленья
Моих строчек время неспеша.

В эту ночь топтались силуэты,
Прикасалась звёздная луна.
Я б на скромном столбике поэтов
В позолоту выбил имена.

Не висел я в рамке на портретах,
Не растил цветы из шелухи.
Мне родиться, видимо, за это
Довелось, чтоб я писал стихи.

«Отшумел вечерний шорох...»

Отшумел вечерний шорох,
Отгорел закат в огне —
Словно всадник в ярких шпорах
Пробежался на коне.

И зевнул горбатый месяц,
Прикорнув с открытым ртом.
Этот сонный куролесец
Грезит звёздочным костром.

Тают тени на задворках,
Лезут блики в темноту,
В деревянных старых створках
Лижет ветер суету.

За окном дымит лампадка,
На щеке блестит слеза,
И молитву шепчут гладко
Христианские глаза.

Пусть Господь присмотрит всюду
И к порядку призовёт,
Пусть народы в мире будут,
И никто нигде не врёт.

И такой в душе покой,
А на сердце благодать.
Стелет млечный путь рекой
В глубину ночную рать.

«Одинок в кудрявом наряде...»

Одинок в кудрявом наряде
Плачет ива застенчиво в тень.
Рядом сосны в строю, как в параде,
Обнимают вершинами день.

Разбегаются тучи в округе,
Растерявшие дождь и грозу,
Расправляются радуги дуги,
Что лучистое небо везут.

Журавли, надо мной пролетая,
Верность доблестно в парах несут.
Русь в округе со мною «святая»
Её ангелы всюду пасут.

Прикоснётся пора золотая
Через два, через месяц – и пусть,
Перед снежной зимой увядая,
Я и в эту влюбился уж грусть.

Я люблю деревенское поле
И в полыневых тропках росу.
Там – в земле – столько силы и воли,
Что столетьями люди несут.

Я люблю серебристые воды
У озёрного края внимать.
Полистать отшумевшие годы,
Обласкать свою Родину—Мать!

А когда затихает природа,
И в траве, и в листве пестрота,
И крадётся зима на полгода —
Я люблю посидеть у костра.

«Зима волшебной красотой очаровала...»

Зима волшебной красотой очаровала,
А в голове уставшая тоска.
Я вынимаю свой лоскутик карнавала
С обледеневшего в душе моей куска.

Как хорошо, когда снежинки утопают
В вечерних незатейливых огнях,
И нежно на губах солёных тают,
Где сад в пушистых шапках и тенях.

Гуляют мысли в прошлом одиноко.
Скупая долго тянется слеза.
А в этом зимнем шорохе потоком
Грустинки лезут в карие глаза.

И месяц рог свой прячет высоко,
И звёзды в снегопаде белом тонут,
И дышится совсем легко-легко,
И вечером я этим тронут.

Сегодня мне сопутствует удача,
Ничто уже почти не грызёт.
Пусть плачет талым снегом крыша дачи,
А мне, быть может, скоро повезёт.

Растут кругом глубокие сугробы,
В кленовой пряди виснет бахрома.
И в этом зимнем облике особо
Хорошая зарядка для ума!

«Распускает губы свет в тиши брезгливо...»

Распускает губы свет в тиши брезгливо
На вечерний облик за моим окном.
Там Луна, как будто невзначай – пугливо
Раздвигает тучи своим круглым дном.

И стоит рябинка в огненной косынке,
Рядом клён кудрявый с пышной головой.
И зевает громко у соседей псинка,
Распластавшись пузом на земле с травой.

И мигает тускло огонёк вспотевший,
Отражаясь в стёклах даже на стене.
Я один из тех же в жизни: не успевший
Побывать на звёздах или на луне.

Вышел кот бродяжить на садовых мышек,
Пробегаю мимо красочных цветов.
Может, ночью дождик простучит по крышам,
Напоит деревья и простор кустов.

А наутро листья заблестят росой,
И зарёю алой обгорят глаза.
И траву у дома я скошу косою,
И взбодрится солнцем юная лоза!

«Не могу я в пути простить...»

Не могу я в пути простить
Испохабившим в жизни тропки.
Я умею в тиши грустить
После выпитой с водкой стопки.

Уважая родных и близких,
Научивших меня понимать,
Я готов поклониться низко
Тем, кто любит родную мать.

Не остыл я в потоке истин
В непонятки проникнуть всласть,
Как художник, макая кисти,
Над картиной имеет власть.

И пока я листаю радость
И тоскую, приблизив край,
Мне уже никакая гадость
Не укажет, где ад и рай.

А когда на вершине страсти
Я любимой судьбу ласкал,
То себя разрывал на части,
То молитвы в алтарь таскал.

Потому что я шёл упрямо,
Не желая обмануть себя.
Обходил я гнилые ямы
И надежды берёт, любя.

И стою я сегодня в поле,
И ловлю заунылость вдали.
Мне в груди моё сердце колет,
А уставшая стать в пыли.

«Я не пуцу из вьюги стоны...»

Я не пуцу из вьюги стоны
В мою душевную весну.
Я спрыгну с зимнего вагона
И сердце нервом полосну.

Я лёд расплавлю на кусочки
И снег холодный растолку.
Я вижу, как набухли почки,
И жить торжественно люблю.

И что там разные дороги,
И что там всякие пути...
Я не земной и не убогий —
Я создан в рифмах свет найти.

Я не могу, гуляя в строчках,
Не помнить милую жену.
Я так люблю внучонка, дочку
И обнимать в ночи луну.

И рассыпаться на гирлянды,
Когда я греюсь в тишине.
Видать, не зря я вырвал гланды
При замороженной войне.

И вот сегодня в страстном стане,
В пьянящем облике стиха
Я весь, как праздник, на ладони,
Одетый в жаркие меха!

«Люблю берёзовые дали...»

Люблю берёзовые дали
И синеву высоких сосен,
Когда поля уже устали
И всюду нагло бродит осень.

И грусть отшельника ласкает,
И дождь плюёт в меня с листвой,
И звёзды в душу проникают,
Когда не спит собачий вой.

Когда туманы утром бродят
И крыши плачут не стыдясь.
Когда покой ночной уходит
И звёзды тонут, торопясь.

Когда бросает в дрожь прохлада
И сырость в воздухе влечёт,
И жёлтый лист шуршит у сада,
И время прячет в осень счёт.

И я таинственно и странно —
Как будто всё исподтишка,
Ловлю мгновенья неустанно
Для мимолётного стихка!

«Светит очень жарко солнце...»

Светит очень жарко солнце
Целый месяц, каждый день.
А в душе, на самом донце,
Приютилась нагло лень.

Всюду вырос одуванчик,
Поднялась трава кругом.
Моё место – мой диванчик.
Наплевать на бурелом.

Сохнет вялая картошка.
Лук, чеснок, свекла горят.
Вот ещё чуть-чуть, немножко
Лист свернёт вишнёвый ряд.

Нет воды в садовых бочках,
Покосился наш забор.
Не приходит с внуком дочка,
По углам скопился сор.

Сорняки взбодрились лихо:
В огород и в сад ползут.
Звёзды ночью блекнут тихо,
Мыши – слышно – пол грызут.

Крышу гвозди разделили.
Видно, как блеснит луна.
Если б дожди пролились,
Поплыла б в дыре стена.

Пауки в углах застряли,
В паутинах пыль живёт,
Я проснулся, мысли встали,
Видю – это сон мне врёт.

«В почтенных днях и часто сонный...»

В почтенных днях и часто сонный
В тумане памяти своей,
Я, словно жизнью оскорблённый,
Гоню над пропастью коней.

И путь мой осень обнимает
В тоскливо-ржавой суете,
И время в боль коней стегает,
Стремясь к могильной пустоте.

А дождь, как слёзная молва,
Следы на окнах отмывая,
Как будто божие слова
Мне шепчет голосом из «рая».

И бьётся сердце в такт с часами,
И страх остатком душу рвёт,
И тени бродят всюду сами,
И разум в глубине не врёт...

Такой указ родился в пору,
Когда пугают времена.
Я сам себе свою же ссору
Бросаю глупо в семена!

«Я, видно, путник запоздалый...»

Я, видно, путник запоздалый
На фоне многих моих лет.
И карандаш точу усталым,
Где формируется поэт.

Но на душе моей пятнистой,
Плаксиво-тающей в тиши,
Сверкает лучик золотистый
И шепчет солнечно: «Пиши».

И я ловлю успех мгновенья,
Играя рифмами легко,
И слышу в сердце обновление,
И вижу очень далеко.

А если кто-то из немногих
Меня услышит и поймёт,
То встретит мой читатель строгий
На рифмах стройных сладкий мёд.

И это, может, обнадёжит,
Заставит думать, увлечёт,
А всё, что мучает и гложет,
Слезинкой тёплой стечёт.

«В застенках света и тепла...»

В застенках света и тепла
В уютной городской квартире
Уроки жизни, как метла,
Сметают время в этом мире.

То бьются в клетке, словно птички,
То слушают в тиши ветра,
То разжигают, будто спички,
Огонь семейного костра.

Потом украдкой, одиноко,
Скучая и жалея вдруг,
И спотыкаясь, и с наскоком,
Подробно плачут от потуг.

И топчутся следы в заботах,
И радуют мгновенья вспять.
Кипят дела, бурлит работа,
И вновь по-прежнему опять.

Скупая прячется слеза,
Растут нескромно быстро дети,
И блеск в морщинистых глазах
Уже не так, как прежде, светит.

А дни бегут быстрее прежних,
Костёр уж таинства сожжён,
И весь в душе остаток нежный
Топорщит пальцы, как пижон.

И вдруг седая голова,
И поступь сгорбленно согнулась,
И ни к чему уже слова,
И смерть в калитке улыбнулась!

«Судьба играла клавишами льстиво...»

Судьба играла клавишами льстиво.
Душа поэмами питалась глубоко.
Листались дни, бывало, больно и пытливо,
И также было ровно и легко.

И пел петух, считая время моё рано,
И ворон каркал сверху втихаря,
И кто-то из начальства очень странно
Бесстрашно врал, вживаясь в упыря.

Мрачнел досуг среди междоусобиц,
На нежности ложилась пелена,
И вечно появлялся некий хлопец
С болтливостью и праздником вина.

И рвались заурядные потуги,
И прятался в пути шальном прорыв,
И песни забывались друг о друге,
И сердце больно ранил новый срыв.

Весна надеждами кропила, улыбаясь,
Ласкала солнышком и небом, и Луной,
И с каждым годом это чудо, ошибаясь,
Меня облизывать грозила вдруг слюной.

И вот сейчас, срывая с памяти соринки,
Не на одном десятке запинаясь на ветру,
Я в след сжигал свои старинные пластинки
И всё, чем бредил, может, вычеркну к утру.

* * *

жене Ольге

Ты послушай меня, дорогая.
Ты послушай меня и услышь:
Я дышу тобой, жизнь постигая,
В нашу долгую зимнюю тишь.

Ты – весна мне в холодную осень
В глубине необъятности грёз,
Ты – родная земля возле сосен,
Ты – мой дом возле белых берёз.

Ты – роса на заре восходящей,
Ты – нектар и цветочный мёд,
Ты – мой ангел любви молящий,
Ты – пленительный мой полёт.

Мне с тобою легко, когда трудно,
Мне с тобою светло ночью лунной.
Без тебя ясный день – ненастье.
Для меня ты – звезда счастья.

Ты свети, не тускней вечно,
Освещай мне в пути длинном
Друг мой ласковый, милый, сердечный
Я с тобой становлюсь сильным!

«В куполах, продырявивших небо...»

В куполах, продырявивших небо,
Блеск крестов обжигает глаза.
Я молюсь, чтобы, где бы я ни был,
Не стреляла по нервам гроза.

Я молюсь у берёзовой рощи,
Где в шагах колоколенки звон,
Где когда-нибудь чьи-нибудь мощи
Похоронят в парадный газон.

И штампует церковная утварь
Безобидных старушек поход,
И всё чаще мне раннее утро
Призывает молиться в приход.

Может я, добела поседевший
И добравшись до самых морщин,
Как один из других – потерпевший
Схлопочу у «епархии» чин.

И спою на вечерне плаксиво
Заурядно молитву свою
И спрошу в алтаре я тоскливо,
Как молиться на самом краю.

«Январский след уже пропал...»

Январский след уже пропал,
И время бредит февралём,
А я в глазах своих упал,
Хотя и не был королём.

Портьера видится в пыли,
Свисая кистями над полом.
Душа беспомощно скулит,
И вороньё на ветках голых.

Мрачнеет тусклый день устало,
Встречает вечер в фонарях,
А небо сумерками вяло
Рисует вход ночной в дверях.

Когда ложится гнев упрямо
В межбровье точно попав.
Когда под сердце с болью прямо
Кинжал вонзает мерзкий нрав.

И спрячут сумерки трухляво
Кручину плачущей души,
И встретит «телека» халява,
И память мелко раскрошит.

И спляшут странные намёки,
И скорбь отмякнет под стакан,
И охмелевшие упрёки
Откинут от виска наган.

«На свете нет милее доченьки...»

На свете нет милее доченьки
Моя кровинушка, моя краса.
Твои, как небо с солнцем, оченьки,
Светлее, чем зари роса.

Ты мне спокойствие и счастье.
Ты ангел божьего добра.
Пусть обойдут тебя ненастья
И греют тёплые ветра.

Пускай тебя заботят дети
И ласка плещет из тебя.
Пускай твой образ в ярком цвете
Листает дни в семье любя.

Пускай сиреневая роща
Цветёт в душе твоей всегда.
Пускай недуги будут проше.
Пусть будут долгие года.

Пусть голос твой – лишь трепет листьев,
Пусть нежность тает на устах.
Я, твой отец – совсем не «мистик»,
У алтаря желал в крестах!

«Сметают зрело чувства на пороге...»

Сметают зрело чувства на пороге.
Почтенная, настигшая пора.
Полвека я скитаюсь на дороге —
Парнишка из Уральского двора.

Я прозябал дешёвые утехи,
Плодил себе наивные стишки,
Мечтал под песни я красивой Пьехи
И разгружал в ночи дырявые мешки.

Я праздники встречал нескромно,
Ловил порывы пламени души,
А рядом город жил, дымила домна,
Где я вдыхал на третьем этаже.

Смешала юность драки, спорт и пляски.
Бурлила комсомольская толпа.
И это было нормой до Аляски,
И это проживала вся страна.

Немало было разного начала
И много сил оставлено в пути.
Меня ломало, унижало и качало,
А я вставал и успевал опять идти.

Да, я один из тех же, из немногих,
Кому нашептывает тайны ветерок,
Всё чаще думая всерьёз о боге,
Следы рисую часто между строк.

И дружно лязгает вокруг природа,
И мокро плачут неуклюжие дожди,
А я шагаю, всё старея год от года —
Менялись времена, страна, вожди.

Пишу с колена эти вырванные строки,
А сердце с перебоями стучит.
И проступают в прошлом дряхлые пороки,
И тяжесть старости мой облик волочит.

Ловлю неряшливо мгновенья оправданий,
Ласкаю трепетно, что радует меня,
И, принимая неизбежно увяданье,
Я запрягаю вдаль последнего коня!

«Я хожу по вечернему краю...»

Я хожу по вечернему краю
На зелёном цветастом лугу.
Никого я к себе не пускаю
И бродячую мысль стерегу.

А на дымчатом ярком полесье,
Наблюдая закатную даль,
Выгоняю душевную плесень,
Принимая ночную вуаль.

И ласкают манящие зори,
И усталость уходит из ног,
И небесное чудо, как море,
Обнимает душевный итог.

И зевает луна одиноко,
Не стесняясь, у всех на виду.
И на ели высокой у дома
Шишки тонут в зелёном пруду.

А на створках у окон блестящих,
Где листают зеркалье лучи,
В этот доблестный час уходящий
Тень ночного пути промолчит.

И прошепчут садовые листья
Ароматом душистых плодов,
И мозги незаметно прочистят
От дремучих невнятных следов.

И облает мой пёсик ушастый
Свет, проникший у первой звезды,
И отправится котик пошастать,
Поохотиться вдоль борозды.

«Раскроил я для жизни лапоть...»

Раскроил я для жизни лапоть,
Распузатил свои кишки,
Но немногих успел облапать —
Мне достались одни вершки.

Сыпь, гитарная заваруха,
Неопрятную песню в стон.
Я учился бренчать без слуха,
Когда модным был вальс «Бастон».

Я срывался, играя в карты,
И скрывал от себя укор.
Я царапал стихами парты
И рифмую я с тех же пор.

Обманула судьба гнилая,
Обокрала страну и меня,
И теперь я ночами лаю
На луну без тепла и огня.

Я не знаю, куда мы едем,
Отовсюду нам в зад плюют,
Но душой я совсем не беден
И в семье нахожу уют.

Я по жизни совсем не падкий,
Никого не лобзал в десну,
Но характер мой, может, гадкий,
Страстно любит встречать весну:

Обнимать широту рассветов
И ласкать аромат цветов,
А потом, на пороге лета,
Поклониться в алтарь с крестом.

И когда-нибудь, может, дети
Разберутся в делах мирских
И услышат привет в поэте,
И с трибуны прочтут мой стих.

«Подустали метели в потёмках...»

Подустали метели в потёмках,
Да и днём за окном поворчать,
Словно плачем грудного ребёнка,
Отучают себя обличать.

Разбредутся ветра по сугробам,
Расшумится капель по утрам,
И расплавится март твердолобый,
Провожая заснеженный срам.

Расплодятся просторы грачами.
Птичья шалость надежды вернёт.
Разбалуется солнце лучами,
И весенняя радость прильнёт.

А пока по заснеженным тропкам
В неуверенных, шатких шагах
Вспоминаются дачные шлёпки
И заботы опять впопыхах.

И предчувствие странно волнует,
И играет потребная сласть,
И как будто не так уж и дует
Эта зимняя долгая власть.

И душа невзначай распирает,
И все мысли влезают в тепло,
И, мне кажется, скоро растают
Во всём свете печали и зло.

«Перестали почавкивать лужи...»

Перестали почавкивать лужи.
Сырость крыш ветерок сковырнёт.
И, шершавость души отутюжив,
К Восходящему солнцу прильнёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.